

18+

18+

ЭЛИЗА М.

Я НЕ ОБЕЩАЛ НИЧЕГО

роман

роман для взрослых

Элиза М.

Я не обещал ничего

<https://litres.ru/74301934>

ISBN 9785007083942

Аннотация

Марина три года любит человека, который никогда не обещал ей ничего конкретного — и именно поэтому не отпускает. На дне рождения подруги в её жизнь входит Дмитрий Нечаев — влиятельный и опасный человек, готовый дать всё, кроме свободы выбирать самой. Побег в Москву, случайная встреча со школьной любовью и совсем другой, непривычно спокойный опыт близости заставляют Марину впервые взглянуть на собственную жизнь со стороны.

Содержание

Элиза М.	5
Я НЕ ОБЕЩАЛ НИЧЕГО	6
Аннотация	7
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. ГОРОД С.	8
Глава 1	8
Глава 2	12
Глава 3	16
Глава 4	19
Глава 5	26
Глава 6	29
Глава 7	33
Глава 8	36
ЧАСТЬ ВТОРАЯ. НЕЧАЕВ	39
Глава 9	39
Глава 10	43
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Я не обещал ничего

Элиза М.

© Элиза М., 2026

ISBN 978-5-0070-8394-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Элиза М.

Я НЕ ОБЕЩАЛ НИЧЕГО

Роман

18+

Данная книга содержит откровенные сцены сексуального характера и предназначена исключительно для взрослой аудитории.

Все персонажи данного произведения вымышлены, а любые совпадения с реальными людьми случайны. Все описанные события являются художественным вымыслом автора.

© Элиза М., текст, 2026

Аннотация

Марина три года любит человека, который никогда не обещал ей ничего конкретного — и именно поэтому не отпускает. Андрей умеет исчезать и появляться ровно вовремя, чтобы она не ушла насовсем, оставляя её жить от одного скупого «скучаю» до следующего. На дне рождения подруги в её жизнь входит Дмитрий Нечаев — влиятельный и опасный человек, готовый дать всё, кроме свободы выбирать самой. Побег в Москву, случайная встреча со школьной любовью и совсем другой, непривычно спокойный опыт близости заставляют Марину впервые взглянуть на собственную жизнь со стороны. Ей предстоит понять: любовь, которая требует постоянных доказательств через боль, — не любовь. А человек, который ничего не обещает, редко даёт что-то взамен.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. ГОРОД С.

Глава 1

Город С. просыпался медленно, как человек, которому некуда спешить. В восемь утра здесь ещё было тихо — только дворники скребли асфальт у пятиэтажек да троллейбус скрипел на повороте у рынка. Марина любила эти утренние минуты между сном и работой: пока город молчал, можно было притвориться, что жизнь у неё другая.

Она работала администратором в частной стоматологической клинике на Советской — работа спокойная, необременительная, с видом на сквер, где по выходным гуляли мамы с колясками. Двадцать четыре года, съёмная однушка на окраине, зарплата, которой хватало впритык, и телефон, который она проверяла первым делом после будильника — не потому что ждала важных писем, а потому что ждала одного конкретного имени.

Андрея не было в сети со вчерашнего вечера.

Она знала это чувство наизусть: лёгкий укол под рёбрами, попытка убедить себя, что это неважно, и мгновенно вслед — подсчёт часов. Двенадцать часов молчания. Не рекорд. Однажды он не писал четыре дня, а потом появился как ни в чём не бывало, с фотографией заката и подписью «жаль, что

не видишь этого со мной». Она тогда разревелась от счастья, хотя тем же вечером легла спать одна, зареванная от одиночества.

Так была устроена их — она избегала слова «отношения», потому что оно предполагало нечто взаимное и постоянное, а у них было другое — их *история*. Три года. Первый год — влюблённость, от которой кружилась голова, второй — качели, о которых она не рассказывала даже Кате, третий — то, что происходило сейчас: они расстались, если это можно было назвать расставанием, потому что расставание подразумевает конец, а Андрей никогда не давал ей конца. Он давал паузы.

Телефон завибрировал, когда она уже почти вышла из дома.

«Спала хорошо?»

Просто эти два слова — и внутри всё перевернулось, будто кто-то щёлкнул выключателем. Она стояла в коридоре, в одном ботинке, и улыбалась своему отражению в зеркале шкафа, как дура. Она знала, что она дура. Знание не помогало.

«Нормально, — напечатала она и стёрла. — Не очень, скучала», — написала снова и снова стёрла. В итоге отправила: «Норм. Ты как?»

Ответа не было ещё сорок минут — как раз пока она шла до клиники, здоровалась с Людмилой Петровной на ресепшене, включала компьютер, разбирала записи на день. Сорок

минут — небольшая цена. Она уже платила больше.

Клиника, где работала Марина, занимала первый этаж старого, ещё сталинской постройки здания на Советской — с высокими потолками, широкими подоконниками, где Людмила Петровна разводила герань, и той особой, чуть старомодной атмосферой уюта, которую редко встретишь в новых, стерильных медицинских центрах.

Марина знала здесь каждый скрип половицы, каждую трещинку на потолке в приёмной, знала пациентов, приходивших годами, их истории, их маленькие радости и заботы. Была, например, бабушка Тамара Ивановна, приходившая на осмотр каждые полгода и неизменно приносившая Марине домашнее варенье; был Серёжа, застенчивый подросток, боявшийся стоматологов до дрожи, которого Марина научилась успокаивать разговорами о его любимых компьютерных играх, пока он ждал своей очереди.

Работа эта, при всей своей внешней простоте, приносила Марине немало тихого удовлетворения — не карьерными амбициями, которых у неё, признаться, никогда особо не было, а самым ощущением причастности к маленькому, но настоящему сообществу людей, доверявших ей, знавших её по имени, радовавшихся её присутствию.

— Ты созданная для этой работы, — сказала ей однажды Людмила Петровна. — Не все умеют так расположить к себе людей, особенно тех, кто боится, нервничает. У тебя это природный дар.

Марина смущённо улыбалась в ответ на такие комплименты, никогда толком не веря в собственные достоинства, — ещё один отголосок той неуверенности в себе, что тянулась из детства, усугублённая годами отношений с Андреем, методично, пусть и не всегда осознанно, подтачивавшим её самооценку.

Только позже, оглядываясь назад, она поймёт, что именно эта работа, эта маленькая клиника с её постоянными пациентами и добродушной Людмилой Петровной, стала одним из тех немногих островков стабильности, что удерживали её на плаву все эти сложные годы, — местом, где она могла на несколько часов в день забыть о собственных драмах, полностью погрузившись в заботу о других.

Глава 2

Кате она не рассказывала подробностей уже несколько месяцев — не потому что не доверяла, а потому что устала слышать одно и то же: «Марин, ну сколько можно». Катя говорила это с любовью, но каждый раз это звучало как обвинение, будто её боль была не настоящей бедой, а капризом, который пора перерасти.

— Он написал сегодня, — всё-таки призналась она за обедом, когда они сидели в кафе рядом с клиникой, и Катя, не отрываясь от салата, посмотрела на неё долгим взглядом.

— И что написал?

— Спросил, как спала.

— Марин.

— Что?

— Это не разговор. Это крючок. — Катя отложила вилку. — Ты понимаешь, что он делает это специально? Не пишет — ты сходишь с ума. Пишет два слова — ты счастлива весь день. Это не любовь, это дрессировка.

Марина промолчала, глядя в тарелку. Она знала, что Катя права — знала это умом, холодно и отчётливо, как знают, что нельзя есть просроченное. Но тело реагировало иначе. Тело помнило его руки, его голос низкий, с хрипотцой, когда он говорил «ты моя», помнило, как хорошо было первые полгода, когда он смотрел на неё так, будто она единственная в

комнате, в городе, в мире. Разум умел раскладывать всё по полочкам постфактум. Сердце жило в тех первых месяцах и отказывалось выходить.

— Он говорит, что я единственная, кто его понимает, — тихо сказала она.

— Конечно говорит. Ты единственная, кто терпит. Это разные вещи.

Марина хотела возразить, но не нашла слов. Она перевела разговор на другое — на новые туфли Кати, на грядущий день рождения Насти, общей их подруги, которую обе знали ещё со школы. Катя не настаивала. Она давно поняла, что спорить с Мариной об Андрее — всё равно что спорить с человеком в горячке: слова не долетают, потому что жар внутри выше любых аргументов.

В клинике, где работала Марина, кроме Кати, с которой она виделась вне работы, была ещё Людмила Петровна — женщина за пятьдесят, проработавшая на ресепшене больше двадцати лет, повидавшая, казалось, все возможные драмы человеческой жизни через истории пациентов и коллег. Именно она, а не кто-либо другой, первой заметила перемены в Марине задолго до того, как та решилась заговорить об Андрее с кем-то из подруг.

— Ты сегодня опять невесёлая, — заметила Людмила Петровна однажды утром, разливая чай в маленькой кухоньке клиники. — Третий день замечаю.

— Всё нормально, Людмила Петровна, — привычно от-

махнулась Марина, но пожилая женщина покачала головой с той мудростью, что приходит только с годами наблюдений за людьми.

— Знаешь, я тридцать лет замужем была, — сказала она неожиданно, присаживаясь напротив за маленький столик. — Мой Николай, царствие ему небесное, тоже иногда мог пропасть на пару дней, обидеться на пустом месте. Но знаешь разницу между нормальными отношениями и теми, что тебя гложут?

Марина вопросительно посмотрела на неё, удивлённая неожиданной откровенностью коллеги.

— В нормальных отношениях, даже когда ссоритесь, знаешь точно — это временно, а любовь никуда не денется. А в тех, что гложут, каждый раз как в первый — будто на краю пропасти стоишь, не зная, столкнут тебя или удержат. — Людмила Петровна отпила чай, глядя куда-то вдаль, будто вспоминая собственный опыт. — У меня подруга была, Валя, царствие ей небесное тоже теперь. Она с одним таким тридцать лет промучилась. Тридцать лет, Мариночка. Всю молодость, всю красоту на него положила, всё ждала, что он одумается.

— И что, не одумался? — тихо спросила Марина, чувствуя, как история эта резонирует с чем-то глубоко внутри неё.

— Умер он раньше её прозрения, — вздохнула Людмила Петровна. — А она так и не узнала, каково это — быть с че-

ловеком, который любит по-настоящему, не мучая. Не хочу, чтобы с тобой так было, детка. Ты молодая ещё, вся жизнь впереди.

Эти слова, произнесённые пожилой женщиной, которую Марина знала уже несколько лет исключительно в рабочем контексте, засели в её сознании гораздо глубже, чем многие увещания более близких людей — быть может, именно потому, что пришли извне, от человека, у которого не было личной заинтересованности в её решениях, только искренняя, отстранённая мудрость прожитых лет.

Глава 3

Ответ от Андрея пришёл вечером, когда Марина уже лежала в постели с книгой, которую не читала — просто держала перед собой, чтобы не смотреть в потолок.

«Скучаю по тебе. Честно. Просто не знаю, как быть».

Три предложения — и она забыла, о чём думала минуту назад. Забыла, что сегодня утром прождала сорок минут ответа. Забыла слова Кати про дрессировку. Она напечатала быстро, слишком быстро, чтобы успеть остановить себя:

«Я тоже скучаю. Может, увидимся?»

Три точки замигали и пропали. Замигали снова. Пропали. Она смотрела на экран, как на индикатор кислорода, будто от этих трёх точек зависело, дышать ей дальше или нет.

«Не знаю, будет ли это честно по отношению к тебе».

Вот это — вот эта фраза — была фирменным приёмом Андрея, тем, что Катя называла «крючком с грузилом». Он никогда не говорил прямо «нет». Он говорил «не знаю, будет ли это честно», и это звучало так благородно, так заботливо, что Марина чувствовала не отказ, а — как ни странно — благодарность. Он ведь думает о её чувствах. Он ведь не хочет её обмануть. Какой другой мужчина стал бы так переживать?

Она не замечала, что за три года эта фраза повторялась десятки раз, и каждый раз означала одно и то же: он не готов

быть с ней по-настоящему, но и отпустить её не готов тоже. Быть свободным от неё и одновременно владеть ею — вот чего хотел Андрей, хотя вряд ли формулировал это даже себе.

«Я согласна на любую честность, — написала она. — Просто хочу тебя видеть».

Ответ пришёл почти сразу, будто он ждал именно этих слов:

«Хорошо. В пятницу?»

Она уснула той ночью с телефоном в обнимку, впервые за неделю по-настоящему счастливая. Ей было невдомёк, что счастье это выстроено на песке, который Андрей сам же и подсыпал — по горсти, ровно столько, чтобы она не ушла, но никогда не столько, чтобы почувствовать твёрдую почву.

Помимо переписки, у Андрея с Мариной было заведено — точнее, заведено им, а она лишь подстраивалась, — правило ночных звонков, случавшихся хаотично, без всякого расписания, обычно после полуночи, когда он, судя по звукам на фоне, возвращался с очередной встречи с друзьями навеселе.

— Ты не спишь? — спрашивал он неизменно, хотя часы показывали час или два ночи, будто не предполагая даже мысли, что она могла бы в такое время спать.

— Теперь уже нет, — отвечала Марина, каждый раз просыпаясь мгновенно, стоило телефону завибрировать с его именем на экране, будто организм её выработал условный

рефлекс, недоступный сознательному контролю.

В такие звонки он бывал особенно откровенным, особенно нежным — говорил о том, как ценит её, как редко встречает людей, способных его понять, иногда даже роняя фразы вроде «не представляю жизни без тебя», которые наутро, при свете дня, забывались им напрочь, будто произносил их не он, а какой-то другой, более честный, более уязвимый Андрей, существовавший только в темноте, только под воздействием алкоголя и одиночества поздней ночи.

Марина цеплялась за эти ночные признания, как за драгоценные камни, пряча их в памяти, доставая при свете нового, полного его равнодушия дня, чтобы напомнить себе — вот, он всё же способен на настоящие чувства, просто прячет их слишком глубоко.

Только гораздо позже, обсуждая этот паттерн с психологом, она поймёт истинную его природу — не редкие моменты искренности, прорывающиеся сквозь его защиту, а типичное поведение человека, использующего алкоголь и темноту как разрешение сказать то, за что днём пришлось бы нести ответственность, зная наверняка, что наутро можно будет сделать вид, будто ничего сказано не было.

Глава 4

Пятница пришла вместе с дождём, мелким и настойчивым, из тех, что размывают тушь и настроение одновременно. Марина собиралась дольше обычного — примеряла три блузки, накрасилась и стёрла помаду, снова накрасила губы, тише розовым. Она хотела выглядеть красиво, но не так, будто старалась. Хотела, чтобы Андрей посмотрел на неё и пожалел — по-настоящему пожалел — о том, что упускает.

Он опоздал на сорок минут и не извинился — просто сел напротив в кафе, стряхнул с куртки капли и сказал:

— Заказал уже? Я не голоден особо.

Она не голодна была тоже — с той секунды, как увидела его, аппетит пропал, будто желудок сжался в узел. Она смотрела на его лицо — усталое, красивое той тяжёлой, взрослой красотой, которая в тридцать четыре года выглядит убедительнее, чем в двадцать пять, — и чувствовала, как всё внутри неё выравнивается по нему, как стрелка компаса.

— Как дела на работе? — спросила она, лишь бы не молчать.

— Как всегда. Достали все. — Он посмотрел в окно. — Слушай, я рад, что ты написала. Я правда скучал.

— Тогда почему мы не вместе? — вырвалось у неё раньше, чем она успела прикусить язык.

Андрей вздохнул — тем особым, тяжёлым вздохом, ко-

торый означал, что сейчас последует речь о его сложности, о его травмах, о том, что он «не готов никого впускать так близко после всего, что было». Марина слушала эту речь не в первый раз. Слова менялись местами, но смысл оставался тем же: проблема не в ней. Проблема в нём, глубоко внутри, там, куда она не может дотянуться, но обязательно должна ждать, пока он сам разберётся.

— Ты заслуживаешь лучшего, чем я сейчас могу дать, — сказал он, беря её за руку через стол. — Но я не хочу тебя терять совсем. Понимаешь?

Она понимала. Она понимала это так хорошо, что могла бы произнести речь за него слово в слово. И всё равно, когда его пальцы сомкнулись на её ладони, она почувствовала, как земля становится твёрже под ногами, а не наоборот.

Марина редко позволяла себе вспоминать детство целиком — обычно память подсовывала отдельные, разрозненные картинки: запах маминых духов, скрип половиц в старом доме на улице Гагарина, где они жили до восьми лет, пока отец не ушёл, оставив после себя только пустоту и долги. Мать, Валентина Сергеевна, тянула её одна — работала на трикотажной фабрике, потом, когда фабрику закрыли в девяностые, торговала на рынке, потом убирала подъезды, лишь бы прокормить дочь.

Марина хорошо помнила, как мать приходила домой уставшая, с покрасневшими от холода руками, и всё равно находила силы улыбнуться, спросить про уроки, пригото-

вить нехитрый ужин. Валентина Сергеевна никогда не жаловалась вслух — только иногда, вечерами, когда думала, что дочь уже спит, Марина слышала сквозь тонкую стену её тихий, сдавленный плач.

— Мама никогда не искала себе мужчину после папы, — рассказывала как-то Марина Кате, ещё в старших классах. — Говорила, что один раз обожглась — достаточно. Что лучше растить дочь одной, чем впустить в дом кого-то, кто снова разобьёт всё, что построено.

Валентина Сергеевна умерла, когда Марине было девятнадцать, — рак, обнаруженный слишком поздно, слишком быстро прогрессирующий, чтобы что-то успеть изменить. Марина осталась одна в неполные двадцать, с крошечным наследством в виде однокомнатной квартиры, которую пришлось продать, чтобы расплатиться с долгами по лечению, и с глубоко въевшимся страхом — страхом одиночества, страхом, что если она хоть на секунду ослабит хватку, отпустит человека, который проявляет к ней интерес, она снова окажется совершенно одна, как в тот день, когда хоронила мать под морозящим ноябрьским дождём, а рядом не было никого, кроме Кати, державшей её за руку.

Именно этот страх, как она поняла гораздо позже, в разговорах с психологом, к которому обратилась уже после истории с Андреем, стал невидимым фундаментом всех её последующих отношений. Она не просто любила — она цеплялась, боясь повторения той пустоты, что поглотила её по-

сле смерти матери. И Андрей, обладавший тонким чутьём на уязвимых людей, безошибочно считал этот страх с первой же их встречи, используя его не намеренно, быть может, но эффективно — как рыбак использует наживку, даже не задумываясь, откуда у рыбы этот голод.

Она познакомилась с Андреем на профессиональном тренинге для администраторов медицинских учреждений — скучное, казалось бы, мероприятие, куда её отправила начальница клиники вместе с несколькими коллегами. Андрей вёл там модуль по коммуникации с трудными пациентами — консультант, приглашённый со стороны, тридцати одного года на тот момент, уверенный, харизматичный, с той особой манерой держаться, которая заставляла аудиторию слушать затаив дыхание.

После лекции он подошёл к ней сам — она стояла у окна, разглядывая парковку, погружённая в свои мысли, — и с лёгкостью человека, привыкшего к вниманию женщин, завёл разговор.

— Вы, кажется, единственная в зале, кто конспектировал не для галочки, — сказал он, кивая на её блокнот, испещрённый заметками. — Что зацепило больше всего?

Она смутилась, не ожидав внимания, но что-то в его прямом, заинтересованном взгляде заставило её ответить честно, без обычной застенчивости.

— То, что вы говорили про границы, — сказала она. — Что нельзя решать чужие проблемы ценой собственного спо-

койствия.

Андрей улыбнулся — той особой, чуть кривоватой улыбкой, которая, как она узнает позже, была тщательно отработанным инструментом обаяния.

— Ирония в том, что сам я плохо следую этому совету, — сказал он с деланой самоиронией, которая, впрочем, показалась ей тогда обезоруживающе искренней. — Слишком много забочусь о других в ущерб себе.

Тогда, в свои двадцать один, Марина не могла знать, что эта фраза станет одним из первых кирпичиков образа, который Андрей строил для неё систематически, — образа заботливого, ранимого, глубокого человека, чья кажущаяся холодность на самом деле скрывала бездну неразрешённой боли. Она купилась на этот образ так же легко, как купились до неё, вероятно, и другие женщины, — потому что образ этот идеально резонировал с её собственной раной, с её потребностью заботиться о ком-то, спасти, быть нужной.

Первые месяцы с Андреем действительно были похожи на сказку — по крайней мере, так Марина вспоминала их позже, перебирая воспоминания, как драгоценные камни, каждый из которых теперь казался ей с трещиной, невидимой на первый взгляд, но безнадёжно портящей всю красоту.

Он звонил каждый вечер, интересовался её днём в мельчайших деталях, дарил цветы без повода, писал ей длинные, поэтичные сообщения о том, как она изменила его взгляд на жизнь. Он познакомил её со своими друзьями — небольшим

кругом людей, которые относились к ней тепло, хотя, как она поняла позже, ни один из них, кажется, никогда не видел его с одной и той же женщиной дольше полугода.

— Ты особенная, — говорил он ей тогда, обнимая после близости, в те редкие моменты, когда в его голосе звучала неподдельная нежность. — Я никогда не встречал никого похожего на тебя.

Она верила — как не поверить, когда мужчина, который может выбрать любую, выбирает именно тебя, смотрит именно на тебя с таким восхищением? Она не замечала — тогда ещё не замечала, — как постепенно, месяц за месяцем, комплименты становились реже, а критика, поначалу мягкая, завуалированная под заботу, — чаще.

— Ты слишком много общаешься с Катей, — сказал он однажды, спустя восемь месяцев отношений, тоном, в котором сквозила лёгкая, почти незаметная обида. — Иногда мне кажется, что ты больше доверяешь ей, чем мне.

Марина, желая успокоить его, стала реже видаться с подругой — сначала раз в неделю вместо двух, потом раз в две недели, пока встречи не свелись к редким, торопливым обедам, зажатым между работой и вечными ожиданиями звонка от Андрея.

— Ты изменилась, — сказала ей тогда Катя, одна из немногих, кто заметил перемену вслух. — Раньше ты смеялась чаще. Сейчас всё время будто чего-то ждёшь, даже когда его нет рядом.

Марина отмахнулась от этих слов тогда, списав их на ревность подруги, не понимающей глубины её чувств. Она не могла предвидеть, что пройдет ещё два года, прежде чем она сама поймёт, насколько права была Катя с самого начала.

Глава 5

Дальше было то, что случалось всегда после таких разговоров — то, ради чего, если быть с собой честной, Марина и соглашалась на встречи, хотя признаться в этом даже самой себе было стыдно. Они поехали к нему.

Квартира Андрея пахла его одеколоном — тяжёлым, древесным, тем самым, что она теперь узнавала на любом прохожем в толпе и на секунду замирала, прежде чем понять ошибку. Он закрыл дверь, и не успела она снять куртку, как его руки легли ей на талию, а губы нашли шею — сразу, требовательно, без предисловий, будто предисловия были им обоим уже не нужны.

— Я скучал по тебе, — прошептал он в кожу под её ухом, и голос был низким, хриплым, тем самым, от которого у неё всегда слабели колени.

Она развернулась к нему лицом, и он поцеловал её — жадно, с той смесью нежности и напора, которая всегда сбивала её с толку, потому что нежность обещала заботу, а напор обещал желание, и ей казалось, что оба эти обещания правдивы, хотя оба были лишь языком тела, за которым ничего постоянного не стояло.

Он раздевал её медленно, будто у них была вся ночь впереди, будто завтра не наступит холодное утро с его обычным «мне нужно побыть одному». Его руки скользили по её

плечам, спускались к пояснице, и она выгибалась навстречу каждому прикосновению, как будто эти прикосновения могли что-то доказать, что-то удержать.

Они упали на кровать, и он навис над ней, глядя сверху вниз с выражением, которое она принимала за нежность, хотя годы спустя, оглядываясь назад, она распознала бы в нём что-то другое — что-то похожее на удовлетворение хищника, который знает, что добыча уже не убежит.

— Ты моя, — сказал он, входя в неё медленно, наблюдая за её лицом, — только моя.

Она застонала — от ощущения, от слов, от всего сразу — и обхватила его руками, прижимая ближе, будто близость тел могла заменить близость, которой ей так не хватало во всём остальном. Он двигался сначала медленно, потом быстрее, его дыхание срывалось у её виска, и в эти минуты — только в эти минуты — ей казалось, что между ними нет никаких игр, никакой дистанции, только два тела, слитых в одном ритме.

Оргазм накрыл её волной, и она вцепилась в его плечи, вскрикнув его имя, а он последовал за ней через несколько секунд, уткнувшись лицом в её шею, тяжело дыша.

А потом, когда всё закончилось, он лёг рядом, глядя в потолок, и молчание стало другим — тем самым молчанием, которое она уже знала наизусть и боялась.

— Я не хочу, чтобы ты неправильно поняла, — сказал он наконец. — Это не значит, что мы снова вместе.

Утро после той первой близости с Андреем, случившейся

вскоре после их формального «расставания», запомнилось Марине особенно ярко — не самим фактом произошедшего, а тем, как быстро эйфория предыдущей ночи сменилась знакомым чувством пустоты, едва она проснулась в одиночестве в его квартире.

Андрея не было рядом — короткая записка на кухонном столе гласила: «Уехал по делам, увидимся». Ни нежности, ни намёка на продолжение, только сухая констатация факта его отсутствия. Марина оделась в тишине, разглядывая знакомую обстановку квартиры — книги на полках, которые она когда-то помогала расставлять, фотографии, среди которых не было ни одной с ней, будто три года их истории не оставили никакого материального следа в его пространстве.

Уходя, она на мгновение задержалась у зеркала в прихожей, разглядывая своё отражение — усталое, немного помятое после бессонной, полной эмоций ночи. «Что я делаю с собой», — подумала она тогда, впервые формулируя этот вопрос настолько прямо, хотя ответить на него честно у неё пока не хватало смелости.

Дома она легла спать снова, хотя времени было уже позднее утро, — не столько от физической усталости, сколько от эмоционального истощения, ставшего уже привычным спутником каждой их встречи. Проснулась она к вечеру с тяжёлой головой и твёрдым, хотя и недолговечным, как оказалось впоследствии, решением: больше так продолжаться не может.

Глава 6

Она уходила от него в два часа ночи под тем же дождём, что провожал её туда несколько часов назад, только теперь дождь казался холоднее, а тело — пустым, будто из него вычерпали что-то важное и не вернули. Такси ехало по мокрым улицам города С., и Марина смотрела в окно, стараясь не плакать, потому что плакать в такси перед незнакомым водителем было последней каплей унижения, которую она не готова была себе позволить.

Дома она легла в постель, не сняв макияж, и уставилась в потолок так же, как несколько часов назад это делал Андрей. Телефон молчал. Она проверяла его каждые десять минут, будто ожидала, что он напишет «спокойной ночи», хотя знала — не напишет. После таких вечеров он всегда пропадал на несколько дней, будто близость требовала от него восстановительного периода, во время которого ей полагалось существовать в подвешенном состоянии, гадая, что она сделала не так.

Утром она проснулась с ощущением, будто её переехал поезд. Голова гудела, глаза опухли, а внутри поселилась та особая, знакомая ей тоска — смесь стыда и тоски по человеку, который причинил этот стыд. Она открыла переписку с Андреем и перечитала последние сообщения, ища в них подтверждение, что всё было не напрасно, что где-то между

строк спрятано обещание будущего.

Обещания не было. Была только фраза «это не значит, что мы снова вместе», которая теперь звучала в её голове вместо будильника.

Она написала Кате: «Плохо себя чувствую. Не приду сегодня в кафе».

Катя ответила почти сразу: «Ты снова была у него?»

Марина не ответила. Молчание было единственным честным ответом, который она могла себе позволить.

Спустя месяц после той ночи, когда Андрей впервые сказал ей «это не значит, что мы снова вместе», между ними случилась ссора, которую Марина потом ещё долго вспоминала как один из самых показательных эпизодов их истории — не потому что она была особенно драматичной, а потому что в ней, как в капле воды, отразилась вся механика их отношений.

Началось всё с пустяка — она написала ему, что заболела, лежит с температурой, и спросила, не мог бы он заехать, привезти лекарства. Обычная, невинная просьба, с которой обращаются к близким людям.

«Прости, сегодня не могу, дела», — ответил он коротко.

Марина не расстроилась сразу — у людей бывают дела, убеждала она себя, ворочаясь в постели с сорока градусами температуры. Но вечером, листая соцсети в перерывах между приступами озноба, она наткнулась на его сторис — фотографию бара, компанию друзей, бокалы с коктейлями.

Что-то внутри неё, ослабленное болезнью и накопившейся усталостью от постоянных объяснений его поведения, наконец не выдержало. Она написала прямо, без обычной своей осторожности:

«Значит, дела — это бар с друзьями? А привезти лекарства больной девушке — не дела?»

Ответ пришёл не сразу, а когда пришёл, был полон холодного раздражения:

«Марин, я не обязан отчитываться перед тобой, где я и с кем. Мы не вместе, если ты забыла».

«Тогда зачем говоришь, что скучаешь? Зачем спишь со мной, если я для тебя никто?» — написала она, уже не сдерживая слёз.

«Вот именно поэтому я и держу дистанцию, — отрезал он. — Потому что ты не умеешь принимать вещи такими, какие они есть, без драмы».

Она читала эти слова, чувствуя, как знакомое чувство вины захлёстывает её, вытесняя первоначальную обиду. Может, она действительно слишком многого требует? Может, дело в ней самой, в её неумении «принимать вещи такими, какие они есть»?

Только много позже, обсуждая этот эпизод с психологом, Марина поймёт истинную механику произошедшего: Андрей мастерски перевернул ситуацию, превратив собственную холодность и безответственность в её проблему, её недостаток, за который ей же пришлось извиняться спустя два

дня, когда он наконец снизошёл до примирительного сообщения.

Глава 7

Прошло две недели. Андрей не писал. Марина держалась — сначала из гордости, потом из усталости, а потом из чего-то похожего на страх: страх, что если она напишет первой, окажется той самой навязчивой, слабой, недостойной женщиной, которой боялась стать. Она перечитывала переписки старых друзей о токсичных отношениях, статьи по психологии, которые присылала Катя, кивала внутренне — да, да, узнаю себя, — и всё равно каждый вечер засыпала с телефоном под подушкой, на случай если он напишет.

На пятнадцатый день он написал — не ей, а в общую историю в соцсетях выложил фото с какой-то компанией в баре, и среди лиц Марина разглядела женщину, положившую руку ему на плечо. Она просмотрела фото раз двадцать, увеличивая, вглядываясь в улыбку той женщины, пытаясь понять, что между ними — дружба или что-то большее. Ревность прожгла её насквозь, хотя формально она не имела права ревновать: они были не вместе. Он ей ничего не был должен. Это знание не облегчало боль ни на грамм.

Она не выдержала и написала: «Как дела?»

Ответ пришёл через три часа: «Норм. Занят».

Два слова. После них — снова тишина.

Марина сидела на кухне, глядя на этот ответ, и впервые за долгое время почувствовала не боль, а что-то похожее на

ярость — тонкую, злую нить, пробежавшую внутри. За что она держится? Ради двух слов раз в две недели? Ради ночей, после которых он говорит «это ничего не значит»? Ярость была новым чувством, непривычным, и на секунду ей показалось, что она наконец нащупала дно, от которого можно оттолкнуться.

Но уже через час, лёжа в постели, она листала их совместные фотографии — те, из первого года, когда он смотрел на неё с обожанием, — и ярость растворилась, уступив место старой, привычной тоске. Она хотела вернуть *того* Андрея, не понимая, что того Андрея, возможно, никогда и не было — был только образ, который он умел создавать в первые месяцы любых отношений, а потом убирал, как декорацию, которая больше не нужна.

В те месяцы, когда отношения с Андреем превратились в изматывающие качели надежды и разочарования, работа в клинике стала для Марины своеобразным убежищем — единственным пространством, где она могла на время отключиться от постоянного, изматывающего анализа его сообщений, его настроений, его непредсказуемого поведения.

Она с головой уходила в рабочие обязанности — составляла расписание приёмов с особой тщательностью, помогала новым пациентам освоиться в непривычной обстановке, училась у Людмилы Петровны тонкостям общения с самыми капризными посетителями. Эта поглощённость работой, как она понимала теперь, оглядываясь назад, была не просто

добросовестностью, а своего рода защитным механизмом — способом занять голову чем-то конкретным, управляемым, предсказуемым, в противовес хаосу, царившему в её личной жизни.

— Ты прирождённый администратор, — сказала ей однажды заведующая клиникой, Ольга Николаевна, женщина строгая, но справедливая. — Может, подумаешь о повышении квалификации? Могли бы отправить тебя на курсы менеджмента в медицине, дали бы больше ответственности, соответственно и зарплату повысили бы.

Марина, польщённая этим предложением, тем не менее долго не решалась воспользоваться им — часть её, привыкшая ставить потребности Андрея выше собственных амбиций, боялась, что дополнительная занятость на курсах отвлечёт от него внимание, вызовет очередное обвинение в невнимательности к их «отношениям».

Только спустя месяцы, уже после развязки, она вспомнит об этом предложении Ольги Николаевны и решится наконец пройти те самые курсы — ещё один маленький, но значимый шаг к восстановлению собственной, независимой от чужих капризов идентичности.

Глава 8

— Ты идёшь ко мне на день рождения, и это не обсуждается, — заявила Настя по телефону тоном, не терпящим возражений. — Я тебя два месяца не видела. Ты то с Андреем, то без Андрея, то плачешь из-за Андрея — хватит. Приходи, отвлечёшься.

Марина хотела было придумать отговорку, но Настя, как всегда, была настойчивее.

— У меня будет много народу, — продолжала подруга. — Витя пригласил своих партнёров по бизнесу, каких-то серьёзных людей из Москвы, будет весело. Надень то зелёное платье, в котором ты была на моей свадьбе.

— Настя, я правда не в настроении для...

— Марин. — Голос Насти смягчился. — Именно поэтому тебе и нужно прийти. Хватит сидеть дома и ждать, когда он напишет.

Марина промолчала — крыть было нечем. Катя, узнав о разговоре, поддержала идею с таким энтузиазмом, что сомнений не осталось: идти придётся.

В субботу вечером, стоя перед зеркалом в том самом зелёном платье, Марина разглядывала своё отражение с непривычным, почти забытым интересом. Платье облегалo фигуру именно так, как нужно, — подчёркивало талию, открывало плечи. Она нарядилась тщательно, впервые за долгое время

не ради того, чтобы понравиться Андрею на фотографиях, которые он, может, увидит, а просто потому, что хотела почувствовать себя красивой для себя самой.

«Может, Настя права, — подумала она, беря такси до ресторана. — Может, мне просто нужно отвлечься».

Она не знала, что этот вечер разделит её жизнь на до и после — не сразу, не одним ударом, а медленно, как трещина, которая сначала незаметна, а потом раскалывает всё здание. Она ещё не знала, что за одним из столиков банкетного зала её будет ждать взгляд человека, привыкшего получать всё, что он хочет, — и что этот взгляд, в отличие от взгляда Андрея, никогда ничего не будет прятать за собой.

Такси остановилось у ресторана. Марина расправила плечи, глубоко вздохнула и вошла внутрь — навстречу музыке, смеху и Дмитрию Нечаеву, чьё имя она пока даже не знала.

За несколько дней до дня рождения Настя приехала к Марине домой лично — редкость, учитывая её постоянную занятость с маленьким ребёнком и бизнесом мужа, — чтобы убедиться, что подруга действительно придёт на праздник.

— Я серьёзно волнуюсь за тебя, — сказала Настя, устроившись на кухне с чашкой чая, пока Марина резала овощи для ужина. — Ты стала совсем другой за последний год. Раньше ты первая предлагала куда-то сходить, а теперь я тебя чуть ли не силой вытаскиваю.

— Просто устала, — попыталась отшутиться Марина, но Настя, зная её слишком хорошо, не купилась на эту от-

говору.

— Марин, я же вижу — дело в Андрее. — Настя отставила чашку, посмотрев на подругу серьёзно. — Слушай, я понимаю, что не мне советовать — у меня своя семья, свои дела, я не всегда рядом. Но со стороны это выглядит так, будто ты медленно исчезаешь, растворяешься в ожидании человека, который явно не готов дать тебе то, что ты заслуживаешь.

Марина молчала, продолжая резать овощи, хотя руки чуть подрагивали от эмоций, которые она пыталась сдержать.

— Приходи на день рождения, — продолжила Настя мягче. — Не ради меня даже — ради себя. Тебе нужно вспомнить, что жизнь существует и без него. Что есть люди, которым ты дорога такая, какая есть, без всяких условий и качелей.

Эти слова, произнесённые с искренней заботой, тронули Марину глубже, чем она готова была признать в тот момент. Она кивнула, обещая прийти, хотя ещё не до конца понимала, насколько судьбоносным окажется этот вечер для всей её последующей жизни.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ. НЕЧАЕВ

Глава 9

Банкетный зал ресторана гудел голосами и звенел бокалами, когда Марина вошла внутрь, и первые несколько минут она чувствовала себя лишней — той, кто пришёл с чужим настроением на чужой праздник. Настя, увидев её, бросилась навстречу, расцеловала в обе щёки и потащила знакомить с гостями, не давая опомниться.

— Это Марина, моя школьная подруга, — говорила она то и дело, подводя её к разным столикам, — а это партнёры Вити, из Москвы.

Марина кивала, улыбалась, произносила ничего не значащие фразы, и только у одного из столиков в дальнем углу зала её улыбка на мгновение застыла — не потому что что-то было не так, а потому что мужчина, сидевший там, смотрел на неё с того момента, как она вошла, и не отвёл взгляда даже сейчас, когда она это заметила.

Ему было около пятидесяти — впрочем, назвать его пожилым не повернулся бы язык: широкие плечи, дорогой, безупречно сидящий костюм, седина на висках, которая не старила, а придавала лицу что-то почти породистое. Он не улыбался, как остальные гости, — он смотрел изучающе, с

тем спокойным вниманием человека, привыкшего оценивать людей быстро и безошибочно.

— А это Дмитрий Юрьевич, — сказала Настя, понизив голос до почтительного полужёпота, что было на неё совсем не похоже. — Партнёр Вити по одному большому проекту. Дмитрий Юрьевич, познакомьтесь — Марина.

Он поднялся — неспешно, с достоинством человека, которому некуда торопиться, — и протянул руку.

— Дмитрий, — сказал он просто, без отчества, и в этом «просто Дмитрий» было что-то, что заставило Марину почувствовать себя единственной, кому позволили такую близость. — Присаживайтесь. Здесь для вас место.

Она села, хотя изначально шла к другому столику, и весь вечер потом не могла объяснить себе, как это получилось.

Среди гостей на дне рождения Насти был и Роман — документалист, партнёр Кати, с которым та встречалась уже почти год, снимавший в тот период фильм о малых городах России, куда, к слову, входил и город С. Марина знала его шапочно — видела пару раз мельком, но не успела толком познакомиться, поскольку Роман много ездил по командировкам.

— Наслышан о тебе от Кати, — сказал он, подсаживаясь к их с Дмитрием столику в перерыве между танцами, пока сам Дмитрий отошёл переговорить с кем-то из деловых партнёров. — Она очень переживает за тебя, знаешь?

— Догадываюсь, — усмехнулась Марина невесело.

— Я не буду лезть в чужие дела, — сказал Роман, — но как человек, который снимает документальные фильмы про людей в сложных ситуациях, скажу одну вещь, если позволишь.

— Валяй, — кивнула она, заинтригованная.

— Я много общался с людьми, которые годами не могли вырваться из разрушительных обстоятельств — не только отношений, любых. Бедность, зависимости, токсичные семьи. И знаешь, что объединяет всех, кто в итоге выбрался? — Роман наклонился чуть ближе, понизив голос. — Не сила воли, как принято думать. А момент, когда они переставали объяснять своё положение внешними обстоятельствами и начинали видеть в себе не жертву, а человека с выбором. Пусть маленьким, ограниченным, но выбором.

Марина слушала внимательно, чувствуя, как слова эти находят отклик где-то глубоко внутри неё, хотя сама ещё не была готова полностью применить их к собственной ситуации.

— Легко сказать, сложнее сделать, — заметила она.

— Согласен, — кивнул Роман. — Но первый шаг — просто увидеть эту рамку. Остальное приходит постепенно.

Позже, вспоминая этот вечер, Марина не раз думала, что именно эти слова Романа, произнесённые почти случайно, между делом, на дне рождения подруги, стали одним из первых семян той внутренней трансформации, что расцвела в ней спустя несколько месяцев, — задолго до терапии, задол-

го до окончательного разрыва с Андреем, кто-то незнакомый уже пытался показать ей выход, который она пока не готова была увидеть целиком.

Глава 10

Разговор с Дмитрием оказался не похож ни на что, к чему Марина привыкла. Он не расспрашивал её о работе из вежливости, чтобы тут же заговорить о своём, — он слушал, задавал уточняющие вопросы, будто её ответы действительно имели значение.

— Администратор в клинике, — повторил он, когда она рассказала о работе. — И вам это нравится?

— Нормально, — пожала она плечами. — Работа как работа.

— Это неправильный ответ, — сказал он с лёгкой улыбкой, наливая ей вина. — Правильный ответ — либо «да, обожаю», либо «нет, хочу другого». «Нормально» — это когда человек забыл, чего хочет.

Марина растерялась — никто раньше не разговаривал с ней так прямо, будто снимал слой за слоем привычных вежливых недоговорок.

— А чего хотите вы? — спросила она, чтобы не отвечать на его вопрос.

— Многого, — сказал он, и в этом слове было что-то, от чего у неё по спине прошёл холодок, хотя она не могла бы объяснить почему. — Я не привык хотеть и не получать.

Весь вечер он оказывал ей внимание, которое сложно было назвать навязчивым — скорее методичным. Подливал ви-

но, следил, чтобы её тарелка не пустовала, интересовался её мнением о музыке, о городе, о жизни вообще, и при этом ни разу не позволил себе лишнего жеста, лишнего взгляда, который можно было бы счесть неприличным. Он действовал как человек, выстраивающий фундамент — медленно, основательно, без спешки.

К концу вечера, когда Настя уже с трудом держалась на ногах от шампанского, а гости начали расходиться, Дмитрий подошёл к Марине у гардероба.

— Я закажу вам такси, — сказал он тоном, не предполагающим возражений. — Город С. ночью — не лучшее место для одинокой девушки.

— Я сама справлюсь, — попыталась возразить она.

— Я не сомневаюсь. — Он улыбнулся краешком губ. — Но мне будет спокойнее.

Такси уже ждало у входа, когда она вышла на улицу. Он проводил её до машины, открыл дверь и, прежде чем закрыть, произнёс:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.